

«Я уже давно не боюсь смерти...»

ночь с воскресенья на понедельник ушёл из жизни великий русский писатель Александр Исаевич Солженицын. Нам посчастливилось познакомиться с его современниками, но, наверное, должны пройти десятилетия, чтобы мы смогли осмыслить значение этой фигуры в истории России и русской литературы. Сегодня, в дни траура, трудно найти слова, соответствующие масштабу личности Солженицына, поэтому мы решили предложить вниманию читателей фрагменты из интервью, которое Александр Исаевич дал ровно год назад немецкому журналу «Шпигель». В этом интервью от сам всё сказал о себе.

— Александр Исаевич, когда вы в 1994 году вернулись из изгнания, происходившее в новой России вас разочаровало. Вы отклонили Государственную премию, которую Горбачёв предложил вам. Вы отказались принять орден, которым хотел наградить вас Ельцин. А сейчас вы приняли Государственную премию России, которую вам присудил Путин, некогда главный той спецслужбы, предшественница которой так жестоко преследовала и травила вас. Как всё это рифмуется?

— В 1990 году мне была предложена — отнюдь не Горбачёвым, а Советом министров РСФСР, входившей в состав СССР, — премия за книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Я отказался от неё, потому что не мог принять личную ответственность за книгу, написанную кровью миллионов.

В 1998 году, в низжайшей точке бедственного народного положения, в год, когда я выпустил книгу «Россия в обвале», Ельцин лично распорядился наградить меня высшим государственным орденом. Я отказался, потому что от верховной власти доведшей Россию до гильотины, награды принимать не могу. Нынешняя Государственная премия присуждается не лично президентом, а высочайшим экспертным сообществом. В совет по науке, который выдвинул меня на эту премию, и в совет по культуре, который поддержал это выдвижение, входят самые авторитетные в своих областях, высоко уважаемые люди страны. Бывший первым лицом государства, президент вручает эту премию в день национального праздника. Принимая награду, я выражаю надежду, что горький российский опыт, изученный и описанный мной, предупредит от новых губительных срывов. Владимир Путин — да, был шефом спецслужб, но он не следователем КГБ, не начальником лагеря в ГУЛАГе. Международные же, «внешние» службы — и ни в какой стране не порицаемы, а то и любимы. Не ставилась же в 1945 году Джорджу Бушу-старшему та же прошлая позиция главы

— Всю вашу жизнь вы призывали к покаянию за миллионы жертв ГУЛАГа и коммунистического террора. Был ли ваш призыв покаяния услышан?

— Я уже привык, что публичное покаяние в современном человеке — самое приемлемое действие для политического деятеля.

— Президент Путин назвал крах Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Он заявил, что пора заканчивать полюдское копание в прошлом, тем более что извне предпринимаются попытки пробудить у россиян необоснованное чувство вины. Разве не побочничество тем, кто без того хочет, чтобы вышло всё, что происходит во времена Советов в три страны?

— Ну, вы же видите, что и в мире растёт тревога как Соединённые Штаты,

желет быть залогом выздоровления нации. В то время как немолкающие упреки извне скорее контрпродуктивны.

— **Мрачный опыт XX века Россия взяла на себя и пережила — здесь мы цитируем вас по смыслу — как бы во имя всего человечества. Смогли россияне извлечь уроки из двух революций и их последствий?**

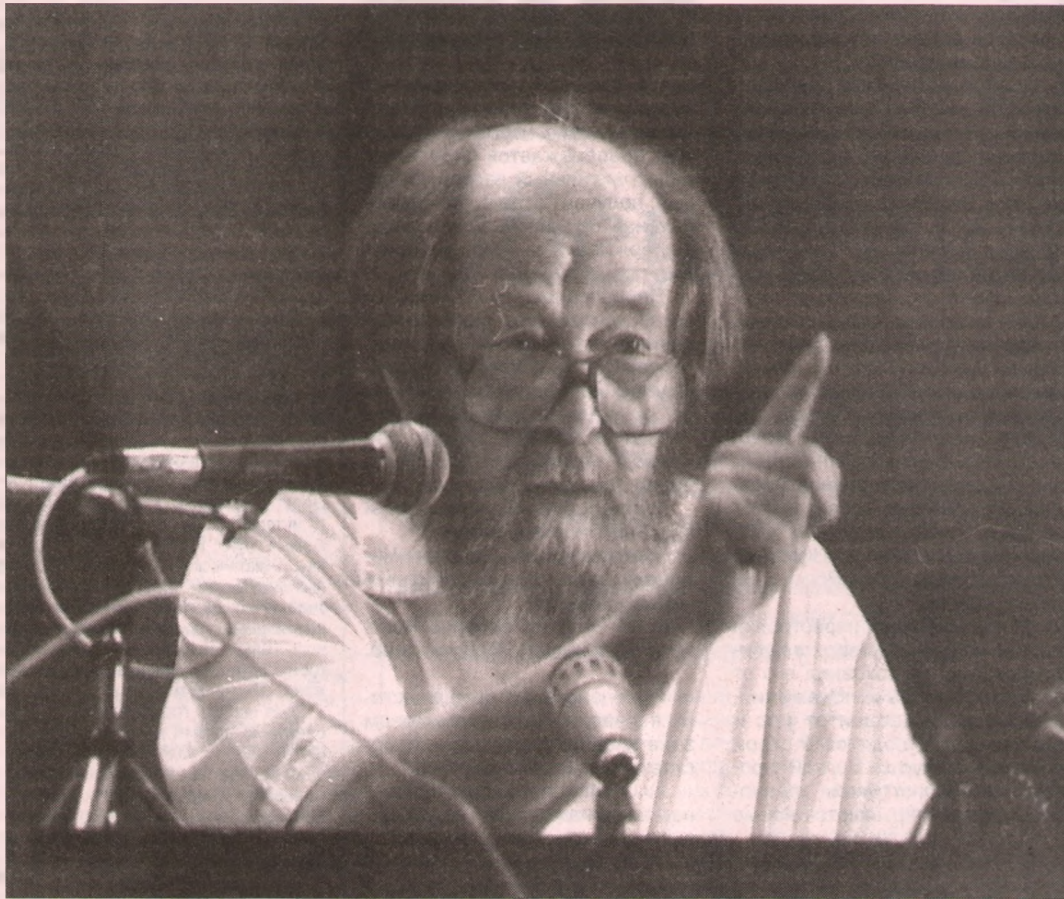

Фото из архива Юрия Барышева.

ставшие в результате геополитических изменений единственной сверхдержавой, справятся со своей новой, монополю-ведущей мировой ролью. Что касается «копания в прошлом», то, увы, то самое отождествление «советского» с «русским», против которого я столь часто выступал ещё в 1970-е годы, не изжито и сегодня — ни на Западе, ни в странах бывшего соцлагеря, ни в бывших республиках СССР. Старое поколение политиков в коммунистических странах оказалось не готово к покаянию, зато новое поколение политиков вполне готово предъявлять претензии и обвинения — и самой удобной для себя мишенью выбирают сегодняшнюю Москву. Как будто они героически освободили сами себя и вот живут новой жизнью, а Москва осталась коммунистической. Однако смею надеяться, что эта нездоровая стадия скоро пройдёт и все народы, испытавшие на себе коммунизм, осознают именно в нём виновника столь горького пятна своей истории.

— **Включая русских?**

— Если бы мы все смогли посмотреть на собственное прошлое трезво, то у нас в стране отпала бы ностальгия по советскому строю, которую проявляет менее пострадавшая часть общества, а у стран Восточной Европы и бывших советских республик — желание видеть источник всех зол в историческом пути России. Не надо никогда личные злодеяния отдельных вождей или политических режимов ставить в вину российскому народу и его государству или приписывать их «большой психологии» русского народа, как это нередко делается на Западе. Эти режимы смогли держаться в России, только опираясь на кровавый террор. И вполне очевидно: лишь чувство осознанной, добровольно признанной вины мо-

— Такое впечатление, что начинают извлекать. Огромное число публикаций и фильмов о российской истории двадцатого века (правда, неровного качества) свидетельствуют о нарастающем спросе. Вот только что страшную, жестокую, ничуть не смягчённую правду о сталинских лагерях показывал миллионам людей государственный канал «Россия» — в телесериале по прозе Варлама Шаламова. И, например, я был удивлён и впечатлён горячностью, размахом и длительностью дискуссии, возникшей после опубликования в феврале (2007 года — ред.) моей старой статьи о Февральской революции. Широкий спектр мнений, в том числе несогласных с моим, радует меня, ибо наконец-то показывает живое желание понять собственное прошлое, без чего осмысленного пути в будущее не может быть.

— **Как вы оцениваете время, в течение которого у власти находится президент В. В. Путин, в сравнении с его предшественниками, президентами Б. Н. Ельциным и М. С. Горбачёвым?**

— Горбачёвское правление поражает своей политической наивностью, неопытностью и безответственностью перед страной. Это была не власть, а бездумная капитуляция её. Ответные восторги с Запада только подкрепили картину. Но надо признать, что именно Горбачёв (а не Ельцин, как теперь звучит повсеместно) впервые дал гражданам нашей страны свободу слова и свободу перемещения. Ельцинская власть характеризовалась безответственностью перед народной жизнью не меньшей, только в других направлениях. В безоглядной поспешности скорей установить частную собственность вместо государственной Ельцин разнуздан в России массовое, многомиллиардное ограбление нацио-

нальных достояний. Стремясь получить поддержку региональных лидеров, он прямыми призывами и действиями подкреплял, подталкивал сепаратизм, развал российского государства. Одновременно лишая Россию и заслуженной ею исторической роли, её международного положения. Что вызывало не меньшие аплодисменты со стороны Запада. Путину

таки происходит, и если в ельцинские времена возможности местного самоуправления фактически блокировались на законодательном уровне, то сейчас государственная власть по всей её вертикали делегирует всё большее число решений на усмотрение местного населения. К сожалению, это ещё не носит системного характера. Оппозиция? — несомненно, нужна и желаемая всеми, кто хочет стране здорового развития. Сейчас, как и при Ельцине, в оппозиции разве что коммунисты. Однако говоря «оппозиции почти не осталось», вы, конечно, имеете в виду демократические партии 90-х годов? Но взгляните же непредвзято: если все 90-е годы происходило резкое падение жизненного уровня, затронувшее три четверти российских семей, и всё под «демократическими знамёнами», то ничего удивительного, что население отхлынуло из-под этих знамён. А сейчас лидеры тех партий всё никак не могут поделить портфели воображаемого теневого правительства. К большому сожалению, в России ещё нет конструктивной, внятной и многочисленной оппозиции. Очевидно, что для её формирования, как и для зрелости других демократических институтов, понадобится больше времени и опыта.

— **Во время нашего последнего интервью вы критиковали, что в Думе сидело лишь около половины депутатов, избранных напрямую, а доминирующее положение занимали представители политических партий. После проведенной Путиным реформы избирательной системы прямых мандатов не осталось вовсе. Это ведь шаг назад!**

— Да, я считаю это ошибкой. Я убеждённый и последовательный критик «партийного парламентаризма» и сторонник внепартийности избирания подлинных народных представителей, лично ответственных перед своими регионами, округами и могущих быть, при неудовлетворительной деятельности, отозванными со своих депутатских постов. Я уважаю, понимаю сущность объединений хозяйственных, кооперативных, территориальных, учебных, образовательных, профессиональных, производственных, но не вижу органичности в политических партиях: связь по политическим убеждениям может быть и нестойка, а часто и небескорытна. Лев Троцкий (в период Октябрьского переворота) метко выразился: «Ничего не стоит та партия, которая не ставит своей целью захват власти». Речь — о выгоде для себя за счёт остального населения. Как и захват власти безоружным. Голосование по безликим партийным программам, названиям партий фальшиво подменяет единственный достоверный выбор народного представителя: именованного кандидата — именованным избирателем. (В этом и весь смысл «народного представительства».)

— **Несмотря на высокие объёмы выручки от экспорта нефти и газа и на формирование среднего класса, социальные контрасты между бедными и богатыми в России остаются огромными. Что можно сделать, чтобы исправить положение?**

— Считаю разрыв между бедными и богатыми в России — опаснейшим явлением, требующим неотложного внимания государства. Но, хотя многие баснословные состояния были созданы в ельцинский период бессовестным грабительством, сегодня единственный

разумный способ исправления ситуации — это не разрушать крупные предприятия, которыми, надо признать, нынешние владельцы стараются управлять более эффективно, а дать возможность дышать средним и мелким. А значит, защищать гражданина и мелкого предпринимателя от произвола, от коррупции. Вкладывать выручку от народных недр в народное хозяйство, в образование, в здравоохранение и научиться делать это без позорных краж и растрат.

— **Через всё ваше творчество проходит мысль о влиянии православия на русский мир. Как сегодня обстоят дела с моральной компетенцией Русской православной церкви? Нам представляется, что она вновь превращается в государственную церковь, каковой она была столетия назад — институтом, фактически легитимировавшим кремлёвского властелина в качестве заместителя Божия.**

— Напротив, надо удивляться, как за короткие годы, прошедшие со времен тотальной подчинённости Церкви коммунистическому государству, ей удалось обрести достаточно независимую позицию. Не забывайте, какие страшные человеческие потери несла Русская православная церковь почти весь XX век. Она только-только встаёт на ноги. А молодое постсоветское государство — только-только учится уважать в Церкви самостоятельный и независимый организм. «Социальная доктрина» Русской православной церкви идёт гораздо дальше, чем программы правительства. А в последнее время митрополит Кирилл, виднейший представитель церковной позиции, настойчиво призывает, например, изменить систему налогообложения, уж совсем не в унисон с правительством, и делает это публично, на центральных телеканалах. «Легитимация кремлёвского властелина»? Вы, очевидно, имеете в виду отпевание Ельцина в кафедральном соборе и отказ от гражданской церемонии прощания?

— **И это тоже.**

— Что ж, это был, вероятно, единственный способ сдерживать, избежать при похоронах возможных проявлений ещё не остывшего народного гнева. Но я не вижу никаких оснований рассматривать это как утверждённый в будущее протокол похорон российских президентов. А что касается прошлого — Церковь возносит круглосуточные заупокойные молитвы по жертвам коммунистических расстрелов в подмосковном Бутове, на Соловках и в других местах массовых захоронений.

— **Что значит вера для вас?**

— Для меня вера — это основа и укрепа личной жизни человека.

— **Вы боитесь смерти?**

— Нет, уже давно не испытываю перед смертью никакого страха. Вот в юности надо мной реяла ранняя смерть моего отца (в 27 лет), и я боялся умереть прежде, чем осуществлю свои литературные замыслы. Но уже между моими 30 и 40 годами я обрёл самое спокойное отношение к смерти. Ощущаю её как естественную, но вовсе не конечную веху существования личности.

— **Мы, во всяком случае, желаем вам ещё многие лета творческой жизни!**

— Нет, нет. Не надо. Достаточно...